

Глава 21. Разговоры о разводе

Когда стемнело, дед и бабушка наконец вернулись. С ними был только их младший сын, без младшей тётушки. Е Ишу, сидя в своей комнате с открытой дверью, наблюдал, как отец подошёл к ним.

— Отец, мама, вы всё уладили? — спросил он.

Старики подняли на него глаза, и, не успев ничего сказать, залились слезами. Их деньги! Половина их сбережений на похороны ушла коту под хвост!

Ли Сынян, увидев перед собой простодушное лицо старшего сына, вдруг ткнула в него пальцем и закричала:

— Я же велела тебе быть рядом! Куда ты убежал, когда твоя помощь была так нужна?! Смотрел, как твоего отца с матерью и брата обижают! Есть у тебя вообще сердце?! Есть у тебя мать?!

— Мама... я...

— Не смей называть меня матерью! Лучше бы я тебя сразу после рождения задушила!..

— Бабушка! — Е Ишу шагнул на порог. Его тёмные глаза впились в Ли Сынян. — Бабушка, прежде чем такое говорить, надо бы подумать.

— Не твоё дело! Я ещё с тобой не разобралась, смутьян!

Е Ишу посмотрел на отца. Такой высокий, сильный мужчина, а от одного слова матери у него покраснели глаза. Ему не хотелось спорить со старухой. Он оттащил отца на кухню, к матери.

Когда он вышел, во дворе остался только Доумяо.

— Где они? — спросил Е Ишу.

— Ушли к себе, — ответил Доумяо, помахивая кроличьими ушками, сплетёнными из собачьей травы.

— Брат, отец мне ничего не говорит. Что всё-таки случилось? — любопытство маленького Доумяо было неумным.

— Вечером расскажу.

Доумяо указал на луну.

— Так уже вечер.

— Будешь на луну пальцем показывать, уши отрежут.

Доумяо испуганно отдёрнул руку.

— Брат, а почему?

— Сам подумай.

— О-о...

Видя, что внимание мальчика переключилось, Е Ишу задумался: сколько же денег отдали его дед и бабушка, что так убиваются?

— Доумяо, позови дедушку с бабушкой ужинать, — донёсся из кухни голос Ши Пулю.

Доумяо откликнулся и побежал в центральную комнату. Ужин, который должен был быть ещё до заката, из-за истории с дядей отложился до сих пор. Доумяо сбегал в центральную комнату, потом в западную пристройку и вернулся на кухню.

Тусклый свет масляной лампы пробивался из кухни, окутывая Доумяо оранжевым сиянием.

— Мама, дедушка с бабушкой и дядя сказали, что не будут есть, — тихо сказал он.

Ши Пулю, накладывавшая рис, замерла. Она поджала губы и сказала мужу:

— Муж, сходи посмотри.

— Хорошо.

Не успел Е Чжэнкунь уйти, как из комнаты донеслись рыдания. Е Ишу поспешил туда, опасаясь, что отец попадёт под горячую руку бабушки, но увидел, что дед сидит на кровати, а бабушка, уткнувшись в стол, горько плачет.

— Мои денежки, мои денежки! Эта стерва специально соблазнила моего сына, внука не стало, да ещё и деньги отобрали...

Е Ишу тихо вздохнул и вывел отца из комнаты.

— Отец, сколько бабушка отдала?

Е Чжэнкунь покачал головой.

— Она мне не сказала.

Не успел он договорить, как старуха вцепилась в руки Е Ишу с такой силой, что на запястьях остались красные следы.

— Бабушка, что ты делаешь? — нахмурился он.

— Братец Шу, братец Шу, помоги бабушке! Я знаю, ты сильный, верни мне мои деньги! Верни, а?

Е Ишу высвободил руки и усадил старуху на стул.

— Бабушка, зачем вы вообще взяли с собой в город деньги?

Ли Сынян призадумалась и тут же зарыдала от раскаяния. И правда, не было бы денег — не отобрали бы! Но... но ведь она боялась, что этот гээр залезет в их тайник!

Сейчас, однако, ей нужна была помощь Е Ишу, и она не стала этого говорить, а лишь с надеждой смотрела на него, будто полностью ему доверяя.

— Бабушка, я не знаю этих людей и не знаю, что там произошло. За деньгами должен идти дядя.

Ли Сынян тут же вспылила:

— Какой от него толк?! Двадцать лянов! Из-за того, что он переспал с этой женщиной! Двадцать лянов серебра у меня отобрали!

Е Ишу почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он холодно усмехнулся. Двадцать лянов... Он посмотрел на отца, который молча стоял рядом, его руки дрожали, а в глазах застыло неверие. Двадцать лянов! Он, надрываясь в поле целый год, и то столько не зарабатывал! Это же годовой запас еды для всей семьи!

Е Чжэнкунь смотрел, как мать продолжает кричать, заставляя его сына идти возвращать деньги. С самого его прихода она только и делала, что ругала его, его жену, всю их семью за

то, что они не помогли, что они бесполезны! А о провинившемся брате сказала лишь: «Какой от него толк!»

Сердце Е Чжэнкуня похолодело, будто его резали ледяным ветром, который дует, когда зимой до рассвета идёшь на работу в город.

Е Ишу не стал утешать отца, а лишь сказал старухе:

— Бабушка, если вы действительно хотите вернуть деньги, нужно заявить в управу.

— Какую управу?! Не смей! — Ли Сынян и слышать об этом не хотела. Она снова вцепилась в руку Е Ишу, не давая ему уйти. — Ты же сильный, я верю в тебя, ты тихонько сходи и отбери их, а? — почти безумно говорила она.

Е Ишу посмотрел на её руку и после долгой паузы сказал:

— Бабушка, ты думаешь, я справлюсь с двумя здоровыми мужиками и слугами того смазливового юнца?

Ли Сынян вдруг отшвырнула его руку. Е Ишу не удержался и ударился о дверной косяк.

— Ах так! Так ты тоже там был! Ах ты, гнилое сердце, мы тебя кормим, поим...

— Мама! — Е Чжэнкунь оттащил старуху. Его лицо потемнело от гнева, ноздри раздувались. — Ты хочешь послать моего сына на смерть! — Сказав это, он вывел Е Ишу из комнаты.

Е Ишу подавил лёгкое чувство дискомфорта и посмотрел на спину отца.

— Отец, не злись, заболеешь — будет только хуже.

Е Чжэнкунь отпустил его и, яростно протерев лицо, понуро сказал:

— Сынок, не слушай свою бабушку, не будем мы ничего делать. Она так легко отдала двадцать лянов... — Он не мог продолжать. Двадцать лянов — это больше половины всех их сбережений!

Е Ишу стоял на месте, глядя, как отец уходит. Да, двадцать лянов. Дядя их так и не получил, зато их получила его любовница.

***

В тот вечер дед, бабушка и дядя так и не вышли к ужину. Мать оставила им еду в котле, а их семья из четырёх человек ела в восточной пристройке. Но у отца аппетита не было, в то время как Е Ишу и Доумяо ели как обычно. Сердце отца было разбито уже много раз, но сегодня удар был особенно сильным, и утешить его могла только мать. А их, младшее поколение, после ужина отправили спать.

Следующие несколько дней старики были погружены в горе от потери денег. Они почти не ели и не выходили из комнаты. Видимо, сердце действительно болело. В доме Е на пять-шесть дней воцарилась редкая тишина, но когда они оправались, дяде пришлось несладко.

В один из солнечных дней Е Ишу, продав хэшоуу и мысленно пересчитывая свои сбережения, вдруг услышал дикий крик. Подойдя к двери, он увидел в щель, как дядя выбегает из комнаты, а дед гонится за ним с палкой. На этот раз удары были настоящими. От каждого удара дядя и уворачивался, и дрожал, и выл, как ребёнок, хотя ему было уже за тридцать.

— Отец, не бей, не бей! Я виноват!

— Ай, больно! Отец! Не бей, не бей...

Родителей не было дома, они ушли в поле. Доумяо с друзьями ушёл резать траву для свиней. Из всех, кто мог бы их разнять, дома был только Е Ишу. Но он закрыл дверь, и дед с бабушкой, должно быть, думали, что в доме никого нет. Е Ишу не стал вмешиваться и под эти неприятные вопли продолжил считать деньги.

Несколько дней назад он снова ездил в уезд и продал хэшоуу. Корень был старше десяти лет, и за него дали пять лянов серебра. Обычно он носил с собой только медь на мелкие расходы. Лекарства для матери в прошлый раз обошлись в полтора ляна, а за змею он выручил один лян и четыреста вэней. Вместе с хэшоуу у него теперь было ровно пятнадцать лянов и пятьсот вэней.

Но, посчитав, он понял, что скоро снова придётся покупать матери лекарства. Один рецепт стоил триста вэней, на месяц уходило девять лянов. Раньше Е Ишу не считал, а теперь, посчитав, у него задергалось веко. Он глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Хотел заняться торговлей, а тут ещё и лавку не открыл, а кошелек уже пустеет. Если бы он не отдавал деньги бабушке каждый месяц, то смог бы отложить ещё как минимум десять лянов.

Е Ишу тут же вскочил. Нужно зарабатывать! Охоту бросать нельзя, и нужно хорошо подумать, какой едой торговать.

Во дворе стало тихо. Дед всё-таки пожалел младшего сына и перестал его бить. Бабушка тут же бросилась утешать дядю. Такого взрослого мужчину, а она с ним как с маленьким!

Е Ишу вышел. У ворот он увидел, как к их дому движется целая процессия из семьи младшей тётушки. Видимо, пришли её поддержать. Толпа преградила ему дорогу. Племянник тётушки

остановил его:

— Братец Шу, позови своих деда и бабушку и дядю.

Пришла вся родня тётушки, от внучатых племянников до её деда. Во главе шёл её отец-гуншэн, сухопарый старик с козлиной бородкой, в длинном халате. Глубокие морщины на лбу, тонкие, прямые губы — всё говорило о его строгом, непреклонном нраве.

Увидев, что старик смотрит на него, Е Ишу пошёл к центральной комнате и постучал.

— Дедушка, бабушка, дедушка Цзинь пришёл.

Услышав, как внутри что-то с грохотом упало, он усмехнулся и пошёл звать дядю. Двери открылись одновременно, и его дед с бабушкой и дядя вышли с натянутыми улыбками. Улыбки их были вымученными, а увидев в толпе младшую тётушку, они и вовсе не смели поднять на неё глаз.

Дед с бабушкой пригласили гостей сесть, а Е Ишу велели подать чай. Старшие родственники семьи Цзинь сели в общей комнате, дядя остались стоять, а племянники и внучатые племянники окружили двор и ворота. Е Ишу понял, что сегодня ему из дома не выбраться.

На плите была горячая вода — мать всегда с утра кипятила чайник. Е Ишу заварил чай. Когда он вышел, разговор уже шёл полным ходом. Е Ишу встал в углу и стал слушать.

— Е Кайлян... когда четвёртый сватался к моей Цзинь Лань, он клялся, что будет хорошо к ней относиться всю жизнь. И ты тоже говорил, что в вашей семье её никто не обидит. А что теперь?

Смотрите-ка, дед Цзинь от злости даже не называет его по-свойски. А дед Е сидит, слова вымолвить не может, весь покраснел.

Е Ишу с интересом наблюдал за сценой, как вдруг почувствовал на себе два взгляда. Подняв голову, он увидел, что на него смотрят старший и второй братья тётушки, Цзинь Сюхуа и Цзинь Аньминь.

— Мальчишкам здесь не место, иди отсюда.

Что Е Ишу мог сказать? Только выйти. О чём говорили в комнате дальше, он не знал. Только солнце с востока уже поднялось почти в зенит, когда гости наконец вышли.